Е. А. Мишина

Несколько наблюдений над употреблением перфективного имперфекта в древнерусском и старославянском

(в напрасном ожидании редких форм)

Считается, что в живом языке восточнославянских диалектов имперфект исчез достаточно рано, хотя вопрос о времени его исчезновения на данный момент остается окончательно не решенным (обзор существующих точек зрения и их аргументаций подробно изложены в книге В. М. Живова [Живов, в печати: § V–6.1]). Однако в книжном языке (в памятниках письменности) форма имперфекта функционирует регулярно вплоть до XVII в., хотя форма перфективного имперфекта уже в древнейший период встречается крайне редко.

Функционирование перфективного имперфекта в древнерусском языке детальнейшим образом было описано сначала в работе Ю. С. Маслова [Маслов 1954/2004], а затем проанализировано на материале более широкого круга восточнославянских памятников А. А. Зализняком [2008: 94–106]. Оба исследователя указывают на то, что довольно широкое употребление имперфекта от глаголов совершенного вида было одной из важных особенностей древнерусского языка, тогда как в старославянском эта черта была развита слабо. А. А. Зализняк при этом уточняет, что данное явление было «характерной чертой южной части восточнославянской зоны, отличавшей ее как от старославянского и церковнославянского языка, так и от новгородско-псковской зоны» [там же: 99] и что «активное употребление этой формы характерно лишь для древнейших памятников и уже на протяжении древнерусского периода наблюдается резкое падение её употребительности, а в дальнейшем и полное отмирание» [там же: 96]. По наблюдениям А. А. Зализняка, тексты, в которых доля перфективного имперфекта достигает максимальных цифр (6–12%), не выходят за рамки XI–XII вв. (*Повесть временных лет, Житие Феодосия Печерского, Слово о полку Игореве*). В старославянских же памятниках доля имперфектов совершенного вида никогда не превышает 1%.

Тем не менее, попытаемся несколько «реабилитировать» материал старославянских памятников, тем более что статистика по старославянским памятникам вполне сопоставима с рядом древнерусских, в которых перфективный имперфект представлен единичными примерами. В качестве иллюстрации слабой развитости имперфекта совершенного вида в старославянском обычно ссылаются на отсутствие кратно-перфективного имперфекта (это основное значение имперфекта совершенного вида) в Мариинском и Зографском Евангелиях. Однако материал других старославянских памятников (например, Супрасльской рукописи и Сборника Клоца), включающих тексты разных жанров, все же дают чуть больше материала, из которого видно, что в старославянском представлены все те же основные употребления перфективного презенса, что и в древнерусских памятниках: в кратно-перфективных и в отрицательных контекстах. На то, что в Супрасльской рукописи перфективные имперфекты встречаются довольно часто, указывал еще А. Вайан [1948/2002: 379–380]. По нашим подсчетам, в Супрасльской рукописи на ≈ 1460 имперфектов приходится 10 от глаголов СВ, из них 6 обозначают повторявшиеся действия (в процентном отношении это 0,6 %, что сопоставимо с Суздальской и Киевской летописями (0,7 %), в Сб. Клоца – 1, в Саввиной книге – 1. В Мариинском и Зографском Евангелиях имперфекта СВ в кратно-перфективном значении нет, но есть примеры с перфективным имперфектом от глагола *дати* в отрицательном контексте – 3. По поводу видовой принадлежности глагола *дати* в древнерусском и старославянском высказывались разные точки зрения. На наш взгляд, уже начиная с древнейшего времени глагол *дати* можно считать глаголом совершенного вида (см. об этом подробнее в [Мишина 2012: 231–236]), поэтому имперфекты от этого глагола рассматриваются наряду с остальными имперфектами совершенного вида.

Кратно-перфективный имперфект

Как известно, имперфект от глагола СВ в кратно-перфективном значении обозначает многократно повторявшееся в прошлом действие, каждый отдельный акт которого достиг завершения. Приведем примеры из древнерусских и старославянских памятников, при сравнении которых видно, что по семантике и структуре данные контексты не отличаются друг от друга. Семантически это контексты многократности, в которых форма имперфекта выражает

повторяемость ситуации, а совершенный вид – завершенность каждого отдельно акта. Синтаксически большинство из контекстов представляют кратно-соотносительные конструкции (кратно-парные или кратно-цепные), часто с соотносительными элементами контекста (**егда... то, аще... то, аможе... тамо** и т. д.). Форма имперфекта совершенного вида может употребляться как в главном, так и в придаточном предложении, и сочетаться с формами имперфекта несовершенного:

древнерусский:

(1) **егда** же **подъпьꙗхутьсѧ**, **начьнѧхуть** роптати на кнѧзь, гл҃юще... (ПВЛЛ л. 43 об);

(2) **А҃ще** ли **будяше** пакы братъ омраченіемь бѣсовьскымь сьрьдьце покръвено имыи, то сии **станяше**, мьнꙗ, ꙗко о иномь бесѣдують, самъ чистъ сꙗ творꙗ (ЖФП, 19);

(3) **егда** же **приспѣꙗше** ѕима. и мраѕи лютии. и сьтоꙗше. вь прабошнѧхъ. вь черевьихъ и вь протоптаныхъ. ꙗко **примѣрьѕнѧше** ноѕи его кь камени. и не **двигнѧше** ногами. дондеже **ѿпоꙗху** ѕаоутреню. (ПВЛИ, л. 72);

(4) а кормьника два бѣста единъ на носѣ а дроугыи на кор҃ѣ **аможе** хотѧхоуть **тамо** **поидѧхоуть** не ѡбращающе лодии (КЛ, 424.3).

старославянский:

(5) не вьсегда ли **ѥгда** **начьнѣѣхомъ** сѧ брати. глаголаахомъ ѱалмоса сего. (Супр., 73.9–10);

(6) **ѥгда** бо вь ратехъ ѡбрѣтахомъ сѧ. и **помолꙗхомъ** б҃а. **то** помагааше намъ и ѡделѣваахомъ (Супр., 72.22–25);

(7) **а҆ште** же сѧсълоучаа҆ше не и҆мѣти і҆емоу ничьсоже дати і҆емоу. **то** котыгѫ сьвлѣкъ съ себе **дадѣаше** ништоудоумоу (Супр., 207.12–15);

(8) **сьнидѣа҆ше** тамо рече а҆нг҃елъ и҆ възмѫштааше водѫ. и҆ и҆же би вь҆лѣѕлъ по възмѫштенїи водъ. наслаждаа҆ше сѧ и҆цѣлѣнꙗ. сниде а҆нгельскыи владыка въ і҆ѿрданьскыѧ водъ. и҆ свѧтивъ водьноѥ ѥстьство вьсѫ вьселенѫѭ и҆сцѣлилъ. сего ради. тамо ѹбо. и҆же **снидѣа҆ше** по прьвѣѣмъ. ѹже не и҆цѣлѣа҆ше. (Супр., 207.12–15);

(9) не бо бѣ никоѥже христосомъ бываѥмоѥ дѣло. ѥже и не и҆мѣа҆ше таинааго чловѣкъ дѣльма творимаа бъшъѭ бо нѥдноже бѣ ѡтъ не҃го. сътворено дѣло. ѥже нѣстъ дѣло ѹспѣшъно ни ѥдно ѥже не вь҆пиа҆ше истинѫ. ни ѥдино ѥже не къ небесьноуѹмоу приѧтию **подвигнѣа҆ше** ѹмъ (Супр., 346.12–15);

(10) ч҃къ слѣпъ. прѣхождааше тварь. емьже **сѧ оутъкнѣаше**. кланѣаше сѧ емоу б҃а не могъ обрѣсти. (Сб. Клоца 582–582, с. 86).

Фиксация одинаковых значений перфективного презенса в идентичных конструкциях в древнерусских и старославянских памятниках представляется важным свидетельством, позволяющим предполагать, что в отношении функционирования имперфекта СВ старославянский и древнерусский языки всё же различались не столь принципиально, как кажется на первый взгляд, а более скудное употребления формы перфективного имперфекта в старославянских памятниках (по сравнению, например, с *ПВЛ* и *Житием Феодосия Печерского*), возможно, объясняется также типом дискурса и жанровыми особенностями текста. Евангельские тексты отражают особый нарратив, в котором повторяющиеся действия встречаются редко, *Супрасльская* же рукопись дает больше примеров, поскольку включает житийные тексты и другие жанры. Этим же обстоятельством, по-видимому, можно объяснить отсутствие перфективного имперфекта в ряде ранних церковнославянских памятников. Так, по свидетельству А. А. Зализняка [2008: 98], в Изборнике 1076 года формы имперфекта СВ совсем не встречаются, а в объемном Изборнике 1073 года (134 тыс. слов) отмечено единичное *будяше*. Однако тип дискурса, отраженный в этих текстах (преобладают гномологические и гомилетические жанры: слова, поучения, толкования и т. п.), не предоставляет широких возможностей для употреблений формы перфективного имперфекта, основным значением которой было значение многократности. Возможно, по этой же причине эти формы не встретились в таких памятниках XII–XIII вв., как *Пчела* и *Девгениево деяние*. А, например, в маленьком *Житии Нифонта* в Выголексинском сборнике (кон. XII в.) на ≈ 90 имперфектов приходится 6 перфективных, что составляет уже 6,6 % (довольно высокая цифра).

Интересно, что в старославянских памятниках встречаются и такие употребления имперфекта совершенного вида в кратно-перфективном типе контекста, которые не засвидетельствованы в древнерусских памятниках. В древнерусских памятниках перфективные имперфекты всегда обозначают многократно повторявшиеся действия. В приведенных ниже примерах из Супрасльской рукописи (11)–(12) речь идет о единичных действиях: в (11) некто, упав ниц, от ужаса затаил дыхание (букв. задохнулся), в (12) идет речь о проклятии Христом смоковницы (это однократный эпизод):

(11) **Оуострашиша сѧ п҇движаша сѧ. оужаснѫша сѧ съмѧтоша сѧ. облѣдѣша сташа въкоупѣ. дивиша сѧ. недомъслиша сѧ въкоупѣ и вьстрепеташа. и овъ ихъ зѣѧ стоаше. овъ же колѣнома лице покрывааше. а дроугыи ниць задьхнѣаше сѧ. и инъ ꙗко мрьтвъ оцѣпааше. а дроугыи оужасомъ дръжимъ бѣ. и облѣдѣвъ лежааше** (Супр., 466.8–15);

(12) **сильнъ словомъ. касааше сѧ соусѣ рѫцѣ. и тъгда жде на служьбѫ отъсылааше. сильнъ дѣломъ. проклинааше смокьвницѫ и їсъхнѣаше. сильнъ словомъ. брьниимъ помазааше очи и просвѣштааше зрака.** (Супр., 476.21–25).

Имперфекты совершенного вида в приведенных контекстах обозначают события, вписанные в цепочку однократных (11) или повторявшихся (12) событий. Представляется, что здесь формы перфективного имперфекта выражают значение очень близкое к наглядно-примерному, когда единичное действие выступает в качестве «наглядного представителя» одного из многих подобных. Совершенный вид фокусирует внимание на завершенности действия и его единичности, а имперфект – на потенциальной многократности: в (11) речь идет об одном человеке, "задохнувшемся" от ужаса, но он, по-видимому, был один из многих. В (12) Христос один раз проклял смоковницу, но это всего лишь пример чуда, которое он мог повторить многократное число раз, что и выражается формой имперфекта.

В древнерусских памятниках употребление формы перфективного имперфекта, обозначавшего многократно повторявшееся в прошлом действие, ограничивается кратно-перфективным типом контекста, в то время как в *Саввиной книге* встретилась форма перфективного имперфекта, синтаксически не объединенная с другими имперфектами совершенного или несовершенного вида в пару или цепь, ср.:

(13) (после прямой речи) **и пройдѣше і҃с. градъ всѧ. и всѧ оучѧ вь сьньмищихъ. и проповѣдаѧ ева҃г. цр҃ствию. и цѣлѧ всакъ неджгъ.** (Сав., л. 40 б, с. 203) – речь идет о многократном посещении городов.

Обращает на себя также внимание, что многие перфективные имперфекты (в особенности в старославянских памятниках) образованы от глаголов с суффиксом –ну– (по-видимому, этот суффикс, выражающий значение одноактности, хорошо сочетался со значением кратно-перфективного имперфекта, обозначавшего многократное действие, каждый отдельный акт которого завершен.

«Имперфект напрасного ожидания»

Особый интерес представляет функционирование перфективных имперфектов в контекстах с отрицанием, отмеченное в качестве особого употребления в древнейших памятниках ещё Ю. С. Масловым [Маслов 1954/2004: 166], но, на наш взгляд, недооцененное исследователями. Так, именно контексты с имперфектами под отрицанием часто приводились исследователями в качестве доказательства видовой неохарактеризованности ряда глаголов, начиная с работ А. А. Потебни [1941/2010] и до наших дней. Вот контексты, приведенные у Ю. С. Маслова:

(14) **Алтунопа же пригна къ ·а·му заступу· и стрѣливше· побѣгнуша предъ угръı· Оугри же погнаша по ни҇х· ꙗко бѣжаще минуша Бонѧка· и Бонѧкъ погнаше сѣка въ тылъ· а Алтунопа || възвратѧшетьсѧ вспѧть· и не допустѧху Оугръ ѡпѧть· и тако множицею оузбиваꙗ· сбиша ѣ в мѧчь** (ПВЛЛ, л. 91–91об.);

(15) **а Дв҃дъ Игоревичь сѣдѧше кромѣ· и не припустѧху его к собѣ· но ѡсобь думаху ѡ Дв҃дѣ** (ПВЛЛ, л. 92);

(16) **и реч(е) веліим гласом: запрещаеть ти г(оспод)ь вселукавыи діаволе. Бѣсъ же не престаняше меля в жернова** (КПП, л. 187, цит. по [Маслов 1954/2014: 166]);

(17) **бѧшѧть бо в тъı дн҃и игуменъ ст҃аго андрѣꙗ . григории . любимъ бо бѣ преже володимеромъ . чтенъ же ѿо мьстислава и ѿо всихъ людеи . тотъ бо не вдадѧше мьстиславу въстати ратью по ꙗрославѣ. река то ти менше есть** (КЛ, 108г26–109а).

В своей работе Ю. С. Маслов приводит всего четыре примера с отрицанием, предполагая, что в таких случаях выражается модальное значение – «нежелание субъекта произвести данное действие», а ряд подобных же контекстов рассматривает среди мнимых, ошибочных употреблений перфективного презенса. Однако, как показано в [Мишина 2012], в отрицательных контекстах реализуется особое значение формы перфективного имперфекта, сближающееся со специфическим значением формы

перфективного презенса под отрицанием, выделенного А. А. Зализняком [1990; 1993] на материале берестяных грамот и названного «презенсом напрасного ожидания»; значение презенса в таких контекстах ‘упорно отказывается сделать’, ‘все никак не сделает’, несмотря на ожидание, ср.:

(18) **а нынѣ водѧ новоую женоу а мънѣ не въдасть ничьто же** (НБГ, N9);

(19) **игорь же нача молити с къ всеволоду. молбою и гнѣваѩсѧ река. не хощеши ми добра про што ми ѡбреклъ еси киевъ. а приѩтьльи. ми не даси принимати** (КЛ, л. 117а4–10).

Сходные модальные наращения имеют место и в контекстах с перфективными имперфектами под отрицанием, здесь также актуализируется компонент *напрасного ожидания*. Форма имперфекта, по-видимому, выражает в подобных контекстах значение кратности, но речь идет не о кратности всей ситуации в целом (как в кратно-перфективных конструкциях), а о кратности (возможно, потенциальной) попыток осуществить действие внутри ситуации, и *каждый раз* эти попытки не приводили к желаемому результату, что порождает в значении рассматриваемых имперфектов совершенного вида компонент *безуспешной попытки*: ‘действие не было осуществлено, несмотря на, возможно, неоднократные и/или настоятельные просьбы/попытки’. А совершенный вид, по-видимому, выполняет усилительную функцию – подчеркивает, что действие не совершилось *ни разу* ни при одной из попыток к осуществлению.

В памятниках древнерусского периода такие употребления имперфекта совершенного вида встречаются ещё реже, чем кратно-перфективные, фактически мы имеем дело с единичными примерами в памятниках.

Следует отметить, что как и в случае с «презенсом напрасного ожидания» (см. [Зализняк 1990; 1993]), в древнерусских памятниках фиксируется довольно много примеров с формами имперфектов под отрицанием от глагола *дати* и его производным *въдати(ся)* (их число составляет 2/3 от общего количества перфективных имперфектов под отрицанием), в ряде памятников (*ЖФП, Суздальская* и *Волынская летописи*) встретились только примеры с *дати* и *въдати,* ср.:

(20) **В сеже времѧ оувѣдѣша Печенѣзи· ꙗко кнѧзѧ нѣту· [и] придоша и сташа ѡколо Бѣлагорода· и не дадѧху вылѣсти из города·** (ПВЛЛ, л. 44);

(21) **присла бо Михаилъ. слы Данилоу и Василкоу. река многократы согрѣшихо ва м и многократы пакости творѧх ти. что ти ѡбѣщахъ и того не створи х аще коли. хотѧхъ любовь имѣти с тобою . невѣрнии Галичанѣ не вдадѧхоут ми. нынѣ же клѧтвою кленоу ти с ꙗко николи же. вражды с тобою не имамъ имѣти.** (ГЛ, л. 264об.).

Значение «напрасного ожидания» обнаруживается у перфективных имперфектов и в старославянских памятниках, где это значение так же, как и в древнерусских памятниках, представлено единичными примерами (Супр. – 2, Мар. – 1, Зогр. – 2), причем в Мариинском и Зографском Евангелиях зафиксированы формы только от глагола *дати*:

(22) **и̑ възвративъ сѧ и̑ ставъ на въстокъ. прилежно молитвѫ богови приношаа̑ше. многоу же часоу минѫвъшоу. и̑ ношти оу̑же прѣполовѧшти сѧ. не прѣстанѣѣше тлъкѫшти и̑ великомъ гласомъ вь̑пь̑ѭшти. помилоуи̑ мѧ рабе бж҃ии** (Супр., 515.15–20) – святой не переставал молиться, несмотря на поздний час;

(23) **и въшедъ исъ въ црькъ в начѧтъ изгонити продаѭштѧ̑. ι коупоуѭщѩѭ в цркве. ι̱ дъскы тръжъникъ. ι сѣдалишта продаѭштихъ голѫби испровръже. ι не дадѣаше никомоуже мимонести съсѫдъ сквозѣ ц҃рквъ** (Мар.=Зогр., Марк 11:15–16) – несмотря на очевидное сопротивление торговцев, Христос не дал/не позволил никому пронести сосуд;

(24) **Ісхождаахѫ ι бѣси отъ мъногъ. въпиѭште ι гл҃ѭште. ѣко ты еси хъ снъ б҃жии. ι запрѣштаѭ не дадѣаше ιмъ гл҃ати** (Зогр., Лк 4:41) – несмотря на сопротивление бесов, Христос не позволил им говорить.

А. А. Зализняк, характеризуя преобладание глаголов с *дати* и его производных в «презенсе напрасного ожидания» в деловых документах и летописях, пишет о том, что, с одной стороны, это могло быть вызвано жанрово-функциональной ограниченностью памятников, не предоставляющих широких возможностей для реализации данной конструкции, а с другой – допускает возможность, «что сфера свободного (не подкрепленного специальными уточняющими словами) употребления

изучаемой конструкции со временем сужалась действительно за счет уменьшения числа используемых в ней глаголов и что глаголы *дать*, *отдать* оказались в этом смысле наиболее устойчивыми» [Зализняк 1993: 278]. Имеющийся материал по имперфектам, как кажется, демонстрирует те же тенденции. Очевидно, что функционирование имперфектов от глаголов совершенного вида в отрицательных контекстах было архаичным и для старославянского, и для древнерусского. А более широкое употребления форм от *дати*, а также его приставочных производных, возможно, объясняется тем, что отрицательные конструкции с этим глаголом приобрели статус некоторой формульности, приближающейся к застывшим клише. В целом, в отношении всех употреблений перфективного презенса, можно говорить о том, что имеет место тенденция к лексической ограниченности, прослеживающаяся как в древнерусских, так и в старославянских памятниках и выражающаяся в частотности определенных корней и классов глаголов (напр., *–дати, –пустити, –ити, -ну-,* а также *–стати, начати*).

В заключение еще раз отметим, что фиксация одинаковых значений перфективного имперфекта и в старославянских, и в древнерусских памятниках представляется важным свидетельством протекания сходных процессов в отношении развития категории вида. На наш взгляд, несмотря на то, что в старославянских памятниках перфективный имперфект встречается существенно реже, чем в древнерусских памятниках, не исключено, что количественная разница может быть обусловлена в том числе и разными типами дискурса, представленными в памятниках разных жанров. Практически во всех описанных типах наряду с формой имперфекта СВ употребляется более частотная форма имперфекта НСВ. Возможно, перфективный имперфект, был более экспрессивным средством выражения, нежели имперфект НСВ, однако это всего лишь гипотеза.

Источники

ГЛ – Галицко-Волынская летопись // ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 715–938.

ЖФП – Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 71–135

КЛ – Киевская Летопись // ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 285–715.

НБГ – Новгородские берестяные грамоты // Зализняк 2004.

ПВЛЛ – Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 1–286.

ПВЛИ – Повесть временных лет по Ипатьевскому списку // ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001. С. 1–285.

Сав. – Саввина книга. Древнесалвянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. М., 1999.

Сб. Клоца – Clozianus Staroslověnský hlanolský sborník tridenský a innsbrucký. Praha, 1959.

СЛ – Суздальская летопись // ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. С. 287–540.

Супр. – Супрасълски или ретков сборник. София: 1982, т. 1, 1983, т. 2.

Литература

Вайан 1948/2002 – *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М. 2002 (Репринт изд. 1948 г.).

Живов (в печати) – *Живов В. М.* История языка русской письменности (в печати).

Зализняк 1990 – *Зализняк А. А.* Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания») // Metody formalne w opisie jezykow slowianskich. Warszawa. 1990.

Зализняк 1993 – *Зализняк А. А.* Презенс совершенного вида в значении «презенса напрасного ожидания» // В. Л. Янин, А. А. Зализняк Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М. 1993.

Зализняк 2004 – *Зализняк. А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк 2008 – *Зализняк А. А.* Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. 3-е издание. М., 2008.

Маслов 1954/2004 – *Маслов Ю. С.* Имперфект и аорист в славянских языках. // Ю. С. Маслов Избранные труды. М. 2004, с. 141–175 (Извлечено из: *Маслов Ю. С.* Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. Вып. 1. М., 1954).

Мишина 2012 – *Мишина Е. А.* «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. № 2 (24). М., 2012. С. 219–241.

Потебня 1941/2010 – *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике: Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. М., 2010 (переиздание книги 1941 года).